

П. Г. Ким

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ВОКРУГ КОРЕИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. И ПОЗИЦИЯ США

Автор характеризует политику США в Корее в последней четверти XIX в. в свете борьбы «великих держав» за доминирование на Корейском полуострове. В современной Республике Корея сильно ощущается экономическое, культурное, религиозное воздействие США, основы которого были заложены в XIX в. Автор привлекает обширный круг источников, в том числе архивные документы из фондов АВПРИ, учитывает современные точки зрения российских, американских и корейских историков на данную проблему.

Ключевые слова: политика США в Корее, вестернизация Кореи, геополитическое положение Кореи, международные отношения на Дальнем Востоке в конце XIX в.

P. Kim

The International Situation Around Korea in the Last Quarter of the XIX Century and the Position of the USA

The U. S. A. policy in Korea in the last quarter of the XIX century in the struggle of the “great powers” to dominate the Korean peninsula is characterized in this article. In the modern Republic of Korea a strong economic, cultural and religious influence of the U. S. A. exists, the foundations of which were founded in the XIX century. The author draws a broad range of sources, including archival documents from The Foreign Policy Archives of the Russian Empire, also taking into account the point of view of modern Russian, American and Korean historians on the issue.

Keywords: U. S. policy in Korea, westernization of Korea, geopolitical position of Korea, international relations in the Far East at the end of XIX century.

В последней четверти XIX в. содержание международных отношений на Дальнем Востоке определялось борьбой крупнейших мировых держав за политическое и экономическое доминирование в государствах Восточной Азии. Страны Дальнего Востока попали в орбиту интересов колониальной политики стран Европы и Америки [11, с. 14].

Благодаря своему выгоднейшему военно-стратегическому расположению Корейский полуостров занимал особое место в системе международных отношений, находясь в фокусе интересов США, Китая, Великобритании, Японии и России. Один из наиболее известных и даровитых японских журнали-

стов, Фукудзи, редактор газеты «Ници-ници-синбун» так оценивал роль Кореи на Дальнем Востоке: «Восточный вопрос, постепенно подвигаясь к Востоку, дошел уже до Центральной Азии, и со временем, в случае возникновения войны, местом, где он явится, будет Корея. В Европе Россия употребила большие усилия, чтобы разбить Турцию, и намерена овладеть ее столицей Константинополем. Почему? Не потому ли, что эта позиция составляет горло Средиземного моря, и Россия хочет сдавить это горло, чтобы можно было бить по спине, которую составляют государства Южной Европы. Корея — это Турция Восточной Азии и Фу-сан — Константинополь» [1, л. 47]. Тот,

под чьим контролем находился Корейский полуостров — «горло» Дальнего Востока, получал исключительные возможности контролировать практически весь регион. Учитывая внутренние проблемы Кореи, слабость ее военного потенциала, никто не рассматривал последнюю в качестве самостоятельного субъекта международного права, «сама Корея являлась в то время даже менее чем второразрядной страной» [12, с. 379]. Такое отношение к Корее сохранялось весь XIX век, и после ее «открытия» американцами в 1882 г., и после ее международного признания в качестве суверенного государства в 1895 г. Но, как писал Фукудзи далее: «Корея занимает важную позицию на Крайнем Востоке, и если хотим решить вопрос относительно ее, то должны решить — кем она будет управляема с пользой для сохранения спокойствия и равновесия держав Крайнего Востока. Если оставить Корею самостоятельной, и предоставить корейским подданным самоуправление, то в каком положении будет корейский вопрос?» [1, л. 48 (об)]. Далее автор статьи резонно замечал, что «Корея находится в зависимости от нынешнего китайского правительства, но это правительство не имеет ... сил, чтобы воспользоваться ее положением, произвести захват. Можно только бояться, что если впоследствии во главе Китайского Правительства явится достойный человек ... то он овладеет Кореею и на всем Крайнем Востоке будут слышны отголоски его действий» [1, л. 52 (об) — 53].

Местоположение Кореи в самом центре Восточной Азии определяло ее потенциал в качестве важного элемента торговых связей региона, который не мог раскрыться в условиях искусственной «изоляции» от внешнего мира. Близость к Японии, уже «открытой» американцами в 1853 г. и к Шанхаю, открытому для иностранной торговли с середины 40-х гг. XIX в., делала Корею привлекательной для международной торговли. Достаточно красочное и точное описание Корейского полуострова на пересечении

торговых путей описал русский писатель XIX в. И. А. Гончаров: «А какое бы раздолье для европейской торговли и мореплавания здесь, при этой близости Японии от Кореи и обеих стран от Шанхая! Корея от Японии отстоит где миль на сто, где дальше, к северу, на сто семьдесят пять, на двести ... на триста и на триста пятьдесят верст, а от Японии до Шанхая семьсот с небольшим верст. Из Англии в Японию почта может ходить в два месяца, через Ост-Индию. Скоро ли же и эти страны свяжутся в одну цепь и будут посылать в Европу письма, товары и т. п.? Что за жизнь кипела бы тут, в этих заливах, которыми изрезаны японские берега на Нипоне и на Чу-симае, дай только волю морским нациям» [2, с. 68–69]. Побережье Кореи, так же как Японии, изобилует очень удобными и незамерзающими бухтами и гаванями, о существовании большинства которых европейцы и русские не подозревали вследствие крайнего несовершенства карт корейских берегов XIX в., составленных «немногими мореплавателями и то поверхностно» [13, с. 59].

Не удивительно, что карты Кореи XIX в. были не точны. О Корее до начала 80-х гг. в России и в Европе мало что было известно. К. Н. Посыет так описывал положение Кореи: «Из всех стран Азии, в продолжение веков избегавших иностранцев, в настоящее время, может быть, один только Тибет в этой же степени заслуживает названия terra incognita, в какой прилично это название Корее. Закрытой, так сказать, Китаем и Япониею, главными представителями азиатской системы уединения, Корее легко было подражать им и казаться неприступною. Внутренность этого полуострова до сих пор посещена только немногими миссионерами...» [13, с. 59]. Все сведения о стране основывались на рассказах путешественников, волею судьбы посетивших Корею. «Бедствие голландского корабля «De Sperwer», потерпевшего крушение у этих берегов в половине XVII века; суровый плен корабельного экипажа, которому вос-

прещено было возвращение в отечество; от-важное бегство пленников, возврат их в Голландию и их баснословные рассказы, жадно собираемые и преувеличиваемые, в такую эпоху, когда всему чудесному легко верили; все это вместе окружало Корею каким-то грозным мраком. ...европейцы избегали Корейский полуостров с лишком столет, пока общее стремление к открытиям и торговле не увлекло к этим берегам сперва Лаперуза, потом Братона, Мексвелля и Безилья Галля, которые сделали любопытные наблюдения над географическим положением страны и над народами, в ней обитающими. Но подробности, сообщенные этими путешественниками о недоступности страны и о враждебном взгляде правителя и народа на все попытки европейцев войти с ними в дружественные сношения, были так неблагоприятны, что не оставляли вовсе надежды на успех» [4, с. 45].

В Корее существовали строгие указы, запрещающие всякие контакты с чужеземцами, а попытки покинуть страну карались смертной казнью. Когда Н. М. Пржевальский, путешествуя по Южно-Уссурийскому краю, сумел в октябре 1867 г. посетить пограничный корейский город Кыген-Пу, то убедился в нешуточном преследовании самовольных эмигрантов. Начальник города «...по фамилии Юнь Хаб и в чине капитана ...просил передать нашим властям, чтобы выдали обратно всех переселившихся к нам корейцев, и он тотчас же прикажет всем им отрезать головы» [14, с. 299]. Именно так проявляла себя самоизоляция страны в эпоху последней династии Ли (1392–1910 гг.). Наказание грозило и местным жителям, вступившим в торговые или иные контакты с иностранцами. Этим, а также суеверным страхом можно объяснить не всегда адекватную реакцию корейцев, особенно простого народа, на чужеземцев. «Подходя к берегу, ...мы увидели на лужке двух корейцев, вероятно, собиравших полевой лук, но они, как только увидели нас, бросились бежать, переправились через реку и произве-

ли в городе тревогу...» [9, с. 83], — вспоминал русский торговец И. Носков, ездивший летом 1862 г. по торговым делам из Новгородской гавани в заливе Посъета в китайский город Хунь-чунь. По воспоминаниям Е. В. Путятина «...в бухте Лазарева, в одном из корейских местечек, на катер, приставший с офицерами и матросами фрегата «Паллада», напала толпа корейской черни... и осыпала наших градом камней и кусков свинца» [5, с. 50]. Большинство корейцев вообще мало что знали о европейцах. К. М. Посъет, например, писал, что «до некоторых внутренних мест Кореи вряд ли доходит и слух, что на земле есть другие люди» [13, с. 61]. Об этом же свидетельствует И. А. Гончаров: «Здесь сказали нам жители, что о русских и о стране их они никогда не слыхивали. Мы не обиделись: они не слыхивали и об англичанах и о французах тоже. Да спросите у нас, в степи где-нибудь, любого мужика, много ли он знает об англичанах, испанцах или итальянцах? Не мешает ли он их под общим именем немцев, как корейцы мешают все народы, кроме китайцев и японцев, под именем «варваров»?» [2, с. 74].

О необыкновенных богатствах азиатской terra incognita распространялись самые разнообразные слухи, принимавшие иногда совершенно фантастический характер. В XIX в. распространено было представление о Корее как о стране, изобилующей полезными ископаемыми: «все исследователи Кореи полагают, что она богата благородными металлами» [17, с. 26]. «Предположение, что в Корее горы изобилуют золотом, подтверждается еще и тем, что там иногда находят самородки золота, которые в виде контрабанды доставляют в Японию. Один из членов японской миссии в Сеуле во время путешествия по Корее, как говорят, в разных местах полуострова нашел более 70 приисков, из которых добывали золото» [17, с. 27]. В таком же духе писали о неизвестной Корее многие американские газеты: «Газета Hongkong Daily Press приводит слова аме-

риканского геолога доктора Франка Ковэна, посетившего Корею в 1881 г.: «из земель, облегающих золотое побережье Тихого океана, после Перу, Калифорнии и Австралии, теперь очередь за Кореею вызвать пертурбацию металлического равновесия. Геологическое строение гор от Фузана до Гезаншина (Gesanshin) или золотая гора на протяжении 310 миль идет в разрез с теорией, вся страна должна быть богата благородными металлами» [17, с. 27]. Эти слухи неизбежно подогревали интерес западных стран к Корее: «надо думать, что весть об этом золоте заставит иностранцев обратить большее внимание на Корею» [1, л. 56 (об)], — писал пограничный комиссар в Южноуссурийском крае генерал-губернатору Восточной Сибири 28 июня 1878 г.

Исключительно важное положение и природные богатства, размер которых иногда преувеличивался, приводили к борьбе за Корею ведущие страны мира. Борьба за Корейский полуостров, неоднократные попытки установить контроль над ним «приводили к дестабилизации ситуации на Дальнем Востоке и нередко вызывали военные конфликты» [18, с. 3]. В середине XIX в. Корея — страна-отшельница, была на пороге серьезных изменений. Западные страны настойчиво требовали установления торговых отношений. Государственная власть значительно ослабела. Эпоха Чосон катилась к закату. Короли Хончжон (1835–1849 гг.) и Чхольчжон (1849–1863 гг.) умерли, не оставив наследников. Экономика страны пришла в упадок, коррупция и казнокрадство процветали. «Настало смутное время «открытия» Кореи внешнему миру, время разрушения традиций, падения авторитета власти, резкого усиления иностранного влияния и отчаянных попыток одряхлевшей Корейской монархии приспособиться к новым реалиям» [16, с. 77]. В дополнение к внутригосударственным проблемам слухи о возможном «открытии» Кореи быстро завязали клубок противоречивых интересов между заинтересованными державами в

Восточной Азии. Великобритания, опасаясь, что независимая Корея ослабит китайский барьер на пути русской экспансии на Юг, поддерживала притязания Китая на гегемонию над Кореей.

Китай, понимая ценность для себя Кореи как военно-политического буфера относительно других стран Восточной Азии, не желал отказываться от его исторических прав на Корею и настаивал на них в обратной пропорции к его способности обеспечить их соблюдение. Ослабление международных позиций Китая и его внешнеполитического потенциала было определено крайним консерватизмом и отсталостью социально-политической системы страны, низким уровнем развития экономики [10, с. 48]. Следствием этих процессов стало ослабление китайского влияния в Корее, но его все же нельзя списывать со счетов полностью. Это видно уже из того, что при заключении с Кореей первого торгового договора в 1882 г. американцы прибегли к помощи Китая. «Он [Шуфельдт — П. К.] пользуется поддержкой влиятельного в Корее китайского влияния» [1, л. 116], — доносил из Токио поверенный в делах министру иностранных дел Н. К. Гирсу. Это всесильное влияние сохранялось до поражения Китая от Японии в 1895 г. США и западные государства признавали китайское влияние в Корее тогда, когда они могли получить от этого выгоду (как, например, в случае с заключением договоров), но предпочитали совершенно игнорировать зависимость Кореи от Китая во всех остальных случаях.

Китай не пытался, да и, пожалуй, не мог воспрепятствовать проникновению в Корею западных держав. Напротив, он советовал корейскому правительству заключить торговые договоры с ними. В Пекине «надеялись, что соперничество держав в Корее не позволит какой-либо одной из них одержать верх и утвердиться на полуострове. Эта точка зрения отражала ... древнекитайский постулат о выигрышности для Китая про-

ведения политики «использования варваров против варваров». Именно так поступали китайские правители в древности» [3, с. 17]. Со своей стороны, корейцы, с неприятным удивлением наблюдая за подчинением Китая воле «варваров»-европейцев, опасались, что нечто подобное может произойти и с ними. Но при этом перед ними был пример Японии, ставшей в 60-х гг. XIX в. на путь военно-политических и экономических реформ по европейскому образцу и достигшей за несколько десятилетий положительных результатов. В итоге Корея все больше поворачивалась спиной к своему сюзерену — Китаю и обращалась за опытом к Японии [3, с. 16–17].

Принципиально в другом положении, нежели Китай, оказалась Япония. Исторический процесс вынудил ее перейти к реформированию социально-политической системы. «Реформы Мэйдзи» заложили основы ускоренной модернизации страны. В результате проведенных реформ к концу XIX в. Япония превратилась в самую передовую страну Восточной Азии, способную составить конкуренцию западным державам в борьбе за политическое и экономическое доминирование в регионе. Приоритетным направлением политики Японии на Дальнем Востоке стал захват территорий соседних материковых государств, ближайшим из которых была Корея. Япония считала, что Корея была не только жизненно важной базой для ее континентального расширения, но и защитой от вторжения. Как отмечает в своей монографии Ким Юн Дук, характер внешней экспансии Японии существенно отличался от политики западных держав на Корейском полуострове. «Япония для обеспечения своих захватнических интересов полагалась не столько на возможности своего экономического потенциала, сколько на силу своего политического влияния, опиравшегося, прежде всего, на мощь вооруженных сил» [7, с. 77]. Автор объясняет это экономической отсталостью Японии от передовых западных держав.

Что касается России, то она в силу своего статуса великой державы, необходимости обеспечения безопасности дальневосточных границ и продвижения интересов в регионе, не могла оставить без внимания корейский вопрос, от решения которого зависела расстановка сил на всем Дальнем Востоке. Россия осознавала, что Корея является стратегическим ключом к удержанию и сохранению позиций в регионе. Но Россия объективно не могла составить достойную конкуренцию своим соперникам в Корее и потому вынуждена была проводить политику недопущения преобладания там какой-либо державы. Мнимую апатию России по отношению к Корее можно объяснить целым рядом внутренних проблем (социально-политические противоречия, экономическое и военное отставание от стран Запада, отдаленность Дальнего Востока от центральных регионов, несовершенство инфраструктуры и логистических связей), которые не позволяли уделять достаточно внимания своей восточной окраине, чтобы проводить такую же активную политику в отношении Кореи, какую осуществляли США, западноевропейские державы и Япония. «Развязывание войны с целью захвата Кореи угрожало России закрытием Корейского пролива для прохода русских судов, блокируя тем самым морскую связь с дальневосточными окраинами. Открытие портов Кореи для свободной международной торговли также не сулило выгод России, так как ее товарам было бы сложно конкурировать с аналогичной продукцией иностранного производства» [11, с. 18]. Несмотря на это, Россия, наряду с Японией, как никакое другое государство была заинтересована в скорейшем решении вопроса о том, кто же будет доминировать в Корее. При этом не исключался вариант, что это будет Россия.

Отметим, что еще в 80-х гг. XIX в. Япония в глазах как России, так и США и всех конкурирующих держав в регионе не вызвала серьезных опасений, установление ее контроля над Кореей рассматривалось как

лучший из вариантов. Основная же борьба, как полагали современники, разворачивалась между Россией и ее западными конкурентами. «Нам нечего опасаться преобладающего влияния Японии в Корее, но мы не можем оставаться в бездействии, когда у нашего ближайшего соседа начинают хозяйничать западные державы» [1, л. 75 (об)].

Позиция США на Дальнем Востоке определялась стремлением до полного раздела сфер влияния в регионе установить контроль над ключевыми позициями, одной из которых являлась Корея. Это необходимо было для того, чтобы продвигать свои интересы на Дальнем Востоке, усиливать позиции в Китае, играя на противоречиях конкурентов. Соединенные Штаты, обладая внушительным военным потенциалом, не использовали его напрямую. Прямой военный захват грозил американцам военным столкновением со всеми их конкурентами на Дальнем Востоке, из которого они вряд ли бы вышли победителями. Собственно говоря, ни одна из конкурирующих держав так и не решилась перейти к прямому захвату. Для того чтобы установить протекторат над Кореей в 1905 г., и затем аннексировать его в 1910 г., Японии пришлось победить Россию в войне 1904–1905 гг. и заключить соответствующие договоры с США и Великобританией.

США использовали иную, более совершенную, тактику укрепления своего влияния не с помощью пуль и пушек, а с помощью своей культуры — системы образования, медицины, религии (протестантизм), дешевых товаров широкого потребления и т. п. Эта тактика, как показывает история Кореи и корейско-американских отношений, оказалась гораздо более результативной, чем прямое применение военной силы. Япония для установления контроля над Кореей воспользовалась политическим давлением, а также силой армии и флота, но у современной Южной Кореи гораздо прочнее политические, экономические, культурные и иные связи с Соединенными Штата-

ми, чем с Японией. Конечно, причины этого надо искать не только и не столько в XIX в., но корни этих прочных связей были заложены именно тогда.

Уже во время пребывания на своем посту первого полномочного посла США в Корее Л. Г. Фута (1883–1885 гг.) стало ясно, что Соединенные Штаты позиционировали себя как единственную западную державу, пытающуюся проводить свою политику, руководствуясь принципом независимости Кореи. Но при этом очевидно, что госдепартамент ни на этом этапе, ни в последующие годы не предпринял ни одной серьезной попытки, чтобы сохранить независимость Кореи.

Основные цели политики Соединенных Штатов в Корее были изложены в инструкции госсекретаря Ф. Т. Фрелингуисена (1881–1885 гг.) послу Футу от 17 марта 1883 г. Согласно этому документу политика США в Корее имела три основных приоритетных направления: развитие дружеских отношений с Кореей как с независимым суверенным государством; невмешательство в ее отношения с Китаем и Японией и защита коммерческих интересов американских граждан в Корее [20, с. 23–29]. Последний пункт имел меньше всего практического значения, так как американо-корейская торговля не была развита, как и вообще западная торговля с Кореей. Например, в декабре 1884 г. без учета членов дипломатической миссии и их семей только несколько американских бизнесменов находились в открытых портах Кореи [20, с. 97–101].

Очевиден тот факт, что влияние американцев в полуостровном королевстве в течение 1880-х гг. продолжало расти. Но это влияние политики в Вашингтоне не слишком стремились использовать. Соединенные Штаты были готовы подписать договор с Кореей и признать ее независимым государством в целях защиты потерпевших кораблекрушение американских моряков и развития торговли. Но Вашингтон решительно не желал принять на себя дипломатические

и, возможно, даже военные обязанности, необходимые для поддержания независимости Кореи в условиях постоянно растущих внешних угроз, в частности, со стороны Китая, Японии и России. США ни при каких условиях не желали быть втянутыми в военный конфликт с другими странами по поводу Кореи. В своей инструкции госсекретарь заявил: «Поскольку мы заинтересованы в том, чтобы Корея была независимым суверенным государством, со всеми вытекающими правами, привилегиями, обязанностями и ответственностью, в ее отношении с Китаем у нас нет желания вмешиваться, кроме тех случаев, когда ущемляются права Соединенных Штатов» [19, с. 14]. Позиция Госдепартамента была четко показана в июле 1883 г., когда дипломатический ранг Фута в Корею был снижен с полномочного посла до генерального консула. Фут протестовал против этого, решив уйти в отставку со своего поста. В депеше госсекретарю он заявил, что «невозможно объяснить причины изменения (корейцам), не оставляя самого неудачного впечатления, в то время как посол унижен в их глазах, потеряв свой ранг, и больше не обладает прежним значением и влиянием» [20, с. 37]. Это было воплощением одного из основных принципов Фрелингуйсена, что в действительности Сеул был не так важен для Вашингтона, как Токио, Пекин или Санкт-Петербург.

Америка не была готова и не могла осуществлять дальневосточную политику в то время. Госдепартамент США после Гражданской войны (1861–1865 гг.) переживал один из своих самых плохих периодов, демонстрируя недальновидность и некомпетентность. Конгресс был более чем обычно скуп в выделении надлежащего финансирования на содержание иностранного департамента в Корею, и слишком часто усилия представителей США в стране сводились к нет либо неэффективным инструкциям, либо, что было еще более часто, отсутствием каких-либо инструкций вообще. От-

метим также, что госдепартамент, стараясь не допустить втягивания США в конфликт в принятии решений относительно политики США в Корею и на Дальнем Востоке, редко прислушивался к донесениям своих представителей в стране, иногда полностью игнорируя их. Учитывая силу американского влияния в Корею в последней четверти XIX в., можно предположить, что американцы могли бы использовать его более эффективно, чем они сделали это на самом деле.

Это означает, что госдепартамент не использовал все дипломатические возможности, предоставленные договором 1882 г., чтобы защитить независимость Кореи. Можно предположить, что если бы Соединенные Штаты проводили энергичными, творческими дипломатическими методами политику, направленную на поддержание корейской независимости, создав широкую базу международной поддержки, Корея, возможно, могла бы стать «Швейцарией» Востока. Если бы это произошло, современная история Кореи знала бы намного меньше катастроф, чем это было на самом деле. Даже если бы такая политика, в конечном счете, не удалась из-за международного соперничества в Северо-Восточной Азии, исторический образ США в Корею, и, возможно, образ США в целом, сам по себе, был бы светлее. «Народы имеют долгую память и не легко восстановить доверие, однажды разрушенное. ...Правительство не может сделать большей ошибки, чем дать повод для обвинения в предательстве» [20, с. 277].

Характеризуя позицию США по отношению к Корею, остановимся на утверждении советских историков, которое стало традиционным для отечественной историографии. Смысл его заключается в том, что США, как страна «молодого» капитализма, не располагая сильным флотом и не имея своих морских баз вблизи Китая и Кореи, перед лицом сильной конкуренции со стороны ранее утвердившихся там держав,

оказались вынуждены маневрировать, пытаясь потеснить более сильных соперников или хотя бы получить равные возможности с ними [6, 8]. Это утверждение справедливо лишь отчасти. США действительно реализовывали в Корее, так же как в Китае, политику открытых дверей и равных возможностей. Но утверждение о том, что Соединенные Штаты не могли на равных конкурировать с европейскими державами, ошибочно, — напротив, они с успехом делали это. К примеру, с 70-х гг. XIX в. Соединенные Штаты боролись за острова Самоа в Тихом океане с Германией и Великобританией. Оттеснив англичан, американцы и немцы разделили острова между собой в 1899 г. Еще больших успехов удалось добиться на Гавайских островах, за которые с середины 70-х гг. XIX в. США конкурировали с Великобританией и Францией. В 1893 г. при прямом вмешательстве США последняя королева Гавайских островов Лилиуокалани была свергнута. Через год была образована Республика Гавайи, нахо-

дившаяся в прямой зависимости от США. А в 1898 г. в разгар испано-американской войны США аннексировали Гавайи. Таким образом, обладая достаточным потенциалом и опытом успешной конкурентной борьбы с самыми передовыми державами мира, США не применяли его в полном объеме в Корее, выбрав тактику использования противоречий государств, более заинтересованных в Корее (Россия и Япония), и тем самым пытаясь добиться для себя уступок от них в других регионах. Это и произошло в 1905 г., когда Соединенные Штаты заключили договор с Японией, по которому американцы признавали Корею сферой влияния Японии, получив в обмен от нее право установить контроль над Филиппинами. Такая сдержанная и осторожная политика позволяла США постепенно накапливать силы, оставаться всегда свободными для маневра, выглядеть в глазах корейцев друзьями и защитниками, увеличивая при этом экономический, торговый и военный потенциал в Восточной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации мероприятия 1.3.2 федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (соглашение № 14.132.21.1022 от 07.09.12).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи, Ф. 195 «Посольство в Токио». О. 529. Д. 182.
2. *Гончаров И. А.* Берега Кореи // Первые известия о Корее в России (1675–1884). М.: Первое марта, 2010. С. 63–78.
3. *Забровская Л. В.* Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 92 с.
4. *Зибольд Ф.* Замечания о Корее, почерпнутые из рассказов нескольких туземцев, цусимских чиновников и японских приставов Фузанской фактории // Первые известия о Корее в России (1675–1884). М.: Первое марта, 2010. С. 38–48.
5. Из «Всепоподданнейшего отчета генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852–1855 год» // Первые известия о Корее в России (1675–1884). М.: Первое марта, 2010. С. 49–51.

6. История США. 1606–1980 / Под ред. Г. П. Севастьянова: В 4 т. М.: Наука, 1983–1987.
7. *Ким Юн Дук*. Динамика баланса сил между США, Россией, Китаем и Японией на Корейском полуострове / Отв. ред. В. Ф. Ли. М.: Научная книга, 1996. 244 с.
8. *Нарочницкий А. Л., Губер А. А., Сладковский М. И., Бурлингас И. Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке: Кн. I. С конца XVI в. до 1917 г. / Отв. ред. Е. М. Журов. М.: Мысль, 1973. 326 с.
9. *Носков И.* Отношения русских к китайцам и корейцам (отрывок из путешествия по Амурской стране) // Первые известия о Корее в России (1675–1884). М.: Первое марта, 2010. С. 82–84.
10. *Пак Б. Д.* Россия и Корея. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 520 с.
11. *Пискулова Ю. Е.* Российско-корейские отношения в середине XIX — начале XX в. М.: Вост. лит., 2004. 152 с.
12. *Подутов А. В.* Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток: Русский остров, 2009. 472 с.
13. *П(осьет) К.* Из «писем с кругоземного плаванья» // Первые известия о Корее в России (1675–1884). М.: Первое марта, 2010. С. 58–62.
14. *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М.: Дрофа, 2007. 310 с.
15. *Симбирцева Т. М.* Королева Мин (1851–1895): путь к власти: Биографический очерк по книге Ц. Фусако «Убийство королевы Мин» // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар, 2001 / Под ред. С. О. Курбанова. СПб.: Фонд восточных культур, 2002. С. 68–85.
16. Торговое и экономическое положение Кореи: Сборник географических, топографических и статистических материалов. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб.: Военная типография (в издании Главного штаба), 1885. Вып. 17. С. 1–35.
17. *Ю Бен Ен.* Внешнеполитическая стратегия Великобритании и корейский вопрос: Политологический анализ / Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: Ин-т актуальных международных проблем, 1998. 18 с. — Режим доступа: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/276391>
18. *Finch M.* Min Yong-hwan: A Political Biography. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2002. 256 p.
19. Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States. Vol. 1. The initial period, 1883–1886 / ed. by G. M. McCune, J. A. Harrison. Berkeley, LA: University of California Press, 1951. 164 p.
20. *Reordan R. E.* The Role of George Clayton Foulk in United States-Korean Relations, 1884–1887. New York: Fordham University, 1955. 630 p.

REFERENCES

1. Arhiv vneshej politiki Rossijskoj imperii, F. 195 «Posol'stvo v Tokio», O. 529. D. 182.
2. *Goncharov I. A.* Berega Korei // Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884). М.: Pervoe marta, 2010. S. 63–78.
3. *Zabrovskaja L. V.* Kitajskij miroporjadok v Vostochnoj Azii i formirovanie mezhdgosudarstvennyh granits (na primere kitajsko-korejskih otnoshenij v XVII–XX vv.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2009. 92 s.
4. *Zibol'd F.* Zamechanija o Koree, pocherpnutye iz rasskazov neskol'kih tuzemtsev, tsusimskih чиновников i japonskih pristavov Fuzanskoj faktorii // Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884). М.: Pervoe marta, 2010. S. 38–48.
5. Iz «Vsepoddannejshego otcheta general-adjjutanta grafa Putjatina o plavanii otrjada voennyh sudov nashih v Japoniju i Kitaj. 1852–1855 god» // Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884). М.: Pervoe marta, 2010. S. 49–51.
6. Istorija SShA. 1606–1980 / Pod red. G. P. Sevast'janova. 4 t. М.: Nauka, 1983–1987.

7. *Kim Jun Duk*. Dinamika balansa sil mezhdu SShA, Rossiej, Kitaem i Japoniej na Korejskom poluostrove / *Otv. red. V. F. Li*. M.: Nauchnaja kniga, 1996. 244 s.
8. *Narochnistkij A. L., Guber A. A., Sladkovskij M. I., Burlingas I. Ja*. Mezhdunarodnye otnoshenija na Dal'nem Vostoke. Kn. I. S konca XVI v. do 1917 g. / *Otv. Red. E. M. Zhurov*. M.: Mysl', 1973. 326 s.
9. *Noskov I.* Otnoshenija russkih k kitajtsam i korejtsam (otryvok iz puteshestvija po amurskoj strane) // *Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884)*. M.: Pervoe marta, 2010. S. 82–84.
10. *Pak B. D.* Rossiya i Koreja. M.: In-t vostokovedenija RAN, 2004. 520 s.
11. *Piskulova Ju. E.* Rossijsko-korejskie otnoshenija v seredine XIX — nachale XX vv. M.: Vost. lit., 2004. 152 s.
12. *Polutov A. V.* Desantnaja operatsija japonskoj armii i flota v fevrale 1904 g. v Inchhone. Vladivostok: Russkij ostrov, 2009. 472 s.
13. *P(os'et) K.* Iz «pisem s krugozemnogo plavanija» // *Pervye izvestija o Koree v Rossii (1675–1884)*. M.: Pervoe marta, 2010. S. 58–62.
14. *Przheval'skij N. M.* Puteshestvie v Ussurijskom krae. Mongolija i strana tangutov. M.: Drofa, 2007. 310 s.
15. *Simbirheva T. M.* Koroleva Min (1851–1895): put' k vlasti (biograficheskij ocherk po knige Ts. Fusaako «Ubijstvo korolevy Min») // *Voprosy istorii Korei*. Peterburgskij nauchnyj seminar. 2001 / *Pod red. S. O. Kurbanova*. — SPb.: Fond vostochnyh kul'tur, 2002. S. 68–85.
16. *Torgovoe i ekonomicheskoe polozhenie Korei* // *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov*. Izdanie Voenno-Uchenogo komiteta Glavnogo SHTaba. Vypusk 17. SPb.: Voennaja tipografija (v izdanii Glavnogo SHTaba), 1885. S. 1–35.
17. *Ju Ben En*. Vneshnepoliticheskaja strategija Velikobritanii i korejskij vopros: Politologicheskij analiz / *Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk*. — M.: In-t aktual'nyh mezhdun. problem, 1998. 18 s. — Rezhim dostupa: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/276391>
18. *Finch M.* Min Yong-hwan: A Political Biography. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2002. 256 p.
19. *Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States*. Vol. 1. The initial period, 1883–1886 / *ed. By G. M. McCune, J. A. Harrison*. — Berkeley, LA: University of California Press, 1951. 164 p.
20. *Reordan R. E.* The Role of George Clayton Foulk in United States-Korean Relations, 1884–1887. New York: Fordham University, 1955. 630 p.

Д. В. Надсадный

**ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ В ПЕТРОГРАДЕ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
И ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ
И РАНеныМ ВОИНАМ (1914–1917 гг.)**

Автор рассматривает деятельность органов Петроградского городского самоуправления и городского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам по организации помощи беженцам во время Первой мировой войны до начала 1917 г. Выделены этапы развития этой деятельности, рассмотрены особенности каждого из них. Сделан вывод о центральной роли муниципальных благотворительных учреждений в процессе ассимиляции десятков тысяч беженцев в городскую среду.